

Лебедев Евгений

27.3.02

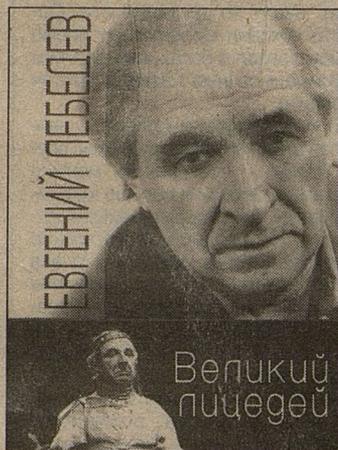
Долгая игра в жизнь

Евгений Лебедев. "Великий лицедей". М., Центрполиграф, 2002 г.

О Евгении Лебедеве, великом русском артисте, одном из столпов товстоноговского театра, сказано и написано, кажется, почти все.

Но не многие знают, что прославленный артист оставил и богатейшее литературное наследство. В Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства у него существует собственный фонд. Огромное количество записей хранится и в домашнем архиве его семьи. Дневниковые записи, рассказы, эссе, театроведческие и литературоведческие наблюдения, письма... Издательство Центрполиграф не прошло мимо такого обильного и ценного материала, выпустил сборник "Евгений Лебедев. Великий лицедей" (редактор-составитель Елена Алексеева), собран из рассказов артиста, его театральных трагедий, записных книжек, переписки, воспоминаний о Лебедеве близких ему людей.

Самое ценное в любом подобном издании, будь то биографическое исследование или подборка разноплановых материалов, кроется лишь в одном: проступает ли на его страницах человеческая личность? О Лебедеве-актере мы знаем достаточно, о Лебедеве-человеке куда меньше. Теперь две эти ипостаси практически слились в одну. Именно слились. Хотя в его существовании они практически никогда и не делились надвое. Читаешь лебедевские автобиографические рассказы и диву даешься, как из самых страшных, порой непереносимых жизненных ситуаций выкристаллизовывался материал для творчества. А молодого Лебедева жизнь по-

била с лихвой. Он вынужден был живо "похоронить" репрессированных родителей, отдать сестренку в детский дом, чтобы в те страшные 30-е годы иметь возможность учиться и работать. Клеймо "поповского выкорышка" смывалось долго. Он был нищ, голоден и бездомен. Спал в трамвайных будках, в подъездах, на бульваре под оркестровой площадкой. Ходил в женских чулках, которые можно было не штопать, а подрезать. Единственную рубашку красил в разные цвета, чтобы создать видимость "гардероба". После того как история с родителями выплыла на свет божий, хотел повеситься. И все это есть не только в биографических записях, но и в более поздних размышлениях по поводу ролей — откуда, из каких душевных кладовых все берется, как и во что магическим образом трансформируется.

Лебедев себя во многих ситуациях не оправдывает, не приукрашивает. Признается сам, что человек он жесткий, и по отношению к близким не столь внимательный, как хотелось бы. Потому что его единственная подлинная жизнь — на сцене. Там — истина, в реальности же — своеобразный отбор "материала". Да и окружающие, даже родные, относились к нему как к лицедею. Однажды даже серьезнейший приступ приняли за очередной "этюд", не сразу вызвали "скорую". Но и там, в больнице, находясь в палате "смертников", он продолжал наблюдать, откладывая человеческие страдания в собственную копилку творческой памяти.

Для артиста Лебедева собственные писания — словно продолжение репетиций, создание спектаклей на бумаге.

К своим персонажам Лебедев относится как к существам живым, неоднозначным, меняющимся. Подробно, скрупулезно вгрызается в биографии Рогожина, Монахова, Холстомера. Анализирует, знакомится, "влезает в их шкуру", как когда-то говорил Щепкин.

А следом — череда воспоминаний об артисте: жены Натэлы Товстоноговой, коллег Татьяны Дорониной и Михаила Ульянова, критиков Инны Соловьевой и Александра Свободина, режиссеров Галины Волчек и Глеба Панфилова. Это стороннее восприятие наслаивается на собственный лебедевский взгляд изнутри и вновь высекает личностную искру.

Ирина ЛЕОНИДОВА

Кудыкина. — 2002. — 21-27 стр. — 29